

Тан Хуай зашел в дом. В гостиной царил тишина, нарушаемая лишь негромким шуршанием колесиков серебристого чемодана по полу. Отставив багаж в сторону, он щелкнул выключателем, заливая комнату теплым светом люстры.

Вокруг было чисто — ни пылинки. Тан Хуай заглянул в холодильник: салат-латук, спелые томаты, баночная ветчина... Полки ломились от свежих продуктов. Сразу видно, тётушка Чжэн Цайэ трудилась на совесть, исправно поддерживая порядок в его отсутствие.

Достав бутылку минералки, он сделал несколько жадных глотков, после чего поднял взгляд вверх. Архитектура виллы с ее открытыми винтовыми пролетами позволяла прямо из гостиной видеть коридоры второго и третьего этажей. Дверь зимнего сада на самом верху сейчас была плотно прикрыта, а за стеклом царил крошечный мрак.

Первым порывом было подняться и поздороваться с соседом, но, глянув на часы — стрелки приближались к часу ночи, — Тан Хуай передумал. Господин Юй наверняка уже спал. Допив воду, он направился к себе на второй этаж. Вежливость вежливостью, а разговор подождет и до утра.

Быстро умывшись, он лег в постель. На прикроватной тумбочке сиротливо стояли три увядшие розы. Их листья давно пожелтели и иссохли. Тан Хуай осторожно коснулся одного пальцами — тот мгновенно рассыпался в труху. Он невольно усмехнулся.

"Надо будет завтра попросить у господина Юя еще пару веточек"

С этой мыслью он закрыл глаза. Сон сморил его быстро, и ночь прошла спокойно.

Пока Тан Хуай спал, у самых дверей оранжереи на третьем этаже замер смутный силуэт. Он тщетно пытался разглядеть происходящее внизу, но из-за широкого двухметрового балкона, опоясывавшего ярус, рассмотреть второй этаж из своего укрытия было невозможно. И все же...

Силуэт почувствовал, как тревога отступает. Жилец снизу наконец-то вернулся. Пусть они почти не общались лично, но бесконечное одиночество этих пустых стен слишком сильно давило на него. Сам того не замечая, загадочный обитатель оранжереи уже давно начал считать Тан Хуая своим единственным другом.

Один — наверху, другой — внизу. Эта тихая, негласная связь дарила обоим странное, но приятное чувство уюта.

Проснуться вовремя на следующее утро Тан Хуай не сумел. Только когда зазвонил телефон и на экране высветилось имя Ханка, он с трудом разлепил глаза и понял, что серьезно занемог.

Последний месяц выдался безумным: сначала активация Системы Великого Владельца Острова, затем бесконечные перелеты в Мексику, изнурительные миссии на острове Сора... И хотя благодаря Системе его выносливость повысилась, крутиться белкой в колесе тридцать дней подряд без перерыва не смог бы даже супергерой. Кое-как отыскав градусник, Тан Хуай уставился на шкалу: тридцать восемь и шесть. Лихорадило.

— Тан, ты в порядке? — донесся из трубки встревоженный голос Ханка. — Может, мне приехать?

Он явно уловил хриплые нотки в голосе друга. Ханк как раз собирался с родителями в Лос-Анджелес и, узнав, что Тан Хуай вернулся в Мексику, надеялся позвать его с собой.

— Все нормально, не переживай. Приятного вам отдыха, — через силу улыбнулся Тан Хуай, стараясь говорить как можно бодрее.

Навязываться в семейную поездку чужих людей он не собирался. Банальная простуда — не повод ломать Ханку планы.

— Кстати, я привез тебе парочку рыб Голубого Моря. Пальчики оближешь. Лежат в холодильнике, ждут твоего возвращения.

— Ого, спасибо большое! — искренне обрадовался Ханк.

Сам он вырос в семье потомственных рыбаков, и вся эта чешуйчатая живность — от сардин до осетрины — приелась ему еще в детстве. Ханк никогда не пылал страстью к рыбным блюдам, но подарок от Тан Хуая согревал душу.

Они поболтали еще пару минут ни о чем, после чего распрощались. Ханку предстояло греться на пляжах Санта-Моники, и в Мексику он должен был вернуться только через неделю.

Кое-как сполз с кровати, Тан Хуай добрался до аптечки в гостиной, отыскал жаропонижающее и без лишних раздумий проглотил две таблетки.

"Обычный перегрев, — успокаивал он себя. — Отлежусь денек, и все пройдет"

Заодно он прихватил из холодильника три бутылки минералки. Тан Хуай, облаченный в легкую серую пижаму и простые резиновые шлепанцы, медленно поднимался по ступеням. Голова нещадно кружилась. На полпути его качнуло, и одна из бутылок выскользнула из ослабевших пальцев, с грохотом покотившись вниз по лестнице.

Глухой пластиковый стук больно ударил по воспаленным барабанным перепонкам. Тан Хуай поморщился. Тело казалось чужим и невесомым, словно он ступал не по дереву, а по вате. Ощущение было паршивое.

Преодолевав слабость, он спустился, подобрал беглянку и вернулся в спальню. Из последних сил толкнув дверь, Тан Хуай швырнул бутылки на стоявшее в углу кресло и с головой зарылся под тяжелое одеяло. Больше его ни на что не хватало. Глаза закрылись сами собой.

Пока Тан Хуай проваливался в тяжелое забытие, наверху, на третьем этаже, загадочный жилец взволнованно всматривался в пролет лестницы. На бледном лице застыло выражение тревоги и нерешительности. Похоже, человеку снизу действительно нездоровилось.

Взгляд скользнул по настенным часам в оранжерее — стрелки показывали десять минут одиннадцатого утра.

Существо в нерешительности опустило взгляд на собственное тело. Горькое осознание бессилия давило грудь — сделать он все равно ничего не мог.

В спальне на втором этаже Тан Хуая затянул бесконечный, изматывающий кошмар. Ему снилось, будто он бредет по Жёлто-бурому каньону острова Сора. Зачем-то на нем была надета плотная темно-красная куртка, в которой было невыносимо душно.

Вокруг не было ни души. Ни лесов, ни прохладных озер — лишь голые, безжизненные скалы до самого горизонта. Тан Хуай растерянно брел вперед, как вдруг бурые утесы вокруг вспыхнули алым, точно подпаленные невидимым факелом. Стало невыносимо жарко. Он тщетно пытался стащить с себя плотную куртку, но молния словно намертво заклинила. Стены ущелья багровели, наливаясь жаром, пока каньон окончательно не превратился в какую-то фантастическую Огненную гору из сказок.

— Жарко... — сорвался с сухих губ тихий стон.

Тан Хуай метался под одеялом. На его лбу выступили крупные капли пота, дыхание стало частым и прерывистым. Он давно сбросил половину одеяла на пол, но это не приносило облегчения. Тело продолжало гореть в лихорадочном огне.

Сознание уплывало. Очередным резким движением он задел прикроватную тумбочку, и стоявшая на краю ваза с тихим стуком повалилась на ковер.

"Неужели заболел?"

Русал у дверей оранжереи взволнованно прислушивался к каждому шороху, доносившемуся снизу. Взглянув на часы, он почувствовал, как к горлу подступает паника. Стрелки приближались к одиннадцати часам вечера. Тан Хуай пролежал в забытии весь день, но жар явно только усиливался.

— Душно... Как же жарко... — продолжал бредить Тан Хуай.

Обитатель третьего этажа бросил взгляд в темное окно, затем перевел его на дверь оранжереи. Сомнения отпали. Он решительно положил руку на ручку. Раздался негромкий щелчок, и дверь тихо отворилась. Дверь не имела замка снаружи, запереть или отпереть ее можно было только изнутри.

Бесшумно скользнув на порог, он выбрался в коридор. Ему действительно приходилось ползти: вместо человеческих ног у него был длинный гибкий хвост с мощным плавником. Но это создание мало походило на прекрасных сказочных русалок. Черная, лоснящаяся чешуя хвоста была иссечена глубокими рваными ранами. Некоторые из них достигали двадцати сантиметров в длину, обнажая поврежденную плоть. Этот жуткий, израненный облик получеловека-полурыбы дышал мрачным, потусторонним одиночеством.

Не обращая внимания на боль в искаленном теле, он быстро сориентировался и начал спускаться по винтовой лестнице на второй этаж. Он двигался удивительно ловко и тихо.

Белая дверь спальни бесшумно поддалась, и незванный гость скользнул внутрь.

Покои Тан Хуая, обустроенные по приказу его второго дедушки Тан Ванчуня, занимали больше шестидесяти квадратных метров. Здесь было все необходимое: от просторной ванной комнаты до современной мультимедийной системы. Дорогой интерьер сочетал в себе уют и безупречный вкус.

Обогнув массивный диван, существо приблизилось к кровати. Тан Хуай метался в лихорадке. Пижама сбилась, мокрые от пота волосы прилипли ко лбу и вискам.

Гость замер, вглядываясь в лицо юноши. Он и раньше догадывался, что Тан Хуай привлекателен, но при первой встрече обоими владела паника, а потом они общались лишь на расстоянии. По сути, это была их первая встреча лицом к лицу. У Тан Хуая оказались на редкость благородные черты: тонкие брови, правильный разрез глаз. Даже сейчас, измученный лихорадкой, он вызывал безотчетное доверие и теплоту.

— Воды... — прошептал Тан Хуай.

Этот тихий вздох вывел русала из оцепенения. Он вздрогнул, но, поняв, что парень не пришел в себя, а лишь бредит, принялся спешно осматриваться в поисках питья.

На кресле лежали принесенные утром бутылки. Существо ловко открутило крышку одной из них, наполнило стоявший на тумбочке стакан и бережно поднесло к губам больного. Сердце русала бешено колотилось: ему еще никогда не доводилось прикасаться к человеку. Страшась сделать неловкое движение, он действовал предельно осторожно, и Тан Хуай послушно сделал несколько глотков, не пролив ни капли.

Когда стакан опустел, гость облегченно перевел дух. Утолив жажду, Тан Хуай перестал метаться, и судорожно сжатые надпереносьем брови наконец разгладились.

В комнате работал кондиционер, направляя поток ледяного воздуха прямо на кровать. На пульте светились цифры «25». Русал отыскал прибор, выключил его и бережно натянул сползшее одеяло до самых плеч юноши. Пусть он мало знал о людях, но за полгода жизни в оранжерее перед телевизором успел накопить достаточно базовых знаний о быте человечества.

Коснувшись лба Тан Хуая бледными пальцами, он нахмурился: кожа по-прежнему горела. Поколебавшись, русал заполз в ванную комнату и вскоре вернулся с влажным теплым полотенцем. Сначала он бережно обтер лицо и шею больного, смывая липкий пот, а затем аккуратно сложил ткань и опустил ему на лоб.

Кроме того, он нашел те самые таблетки, растолок две штуки в ложке и развел водой, аккуратно влив смесь Тан Хуаю в рот. Возле постели больного он провел несколько часов. Лишь к двум часам ночи жар наконец начал спадать.

Убедившись, что дыхание Тан Хуая выровнялось, а кожа стала прохладной, русал бросил взгляд на часы и бесшумно пополз обратно к себе наверх.

Во сне Тан Хуай все еще видел бушующее пламя, но стоило огненным языкам подступить вплотную, как с неба пролился благодатный прохладный ливень, мгновенно принесший облегчение. Остаток ночи он спал крепко и безмятежно.

Ровно в шесть утра Тан Хуай открыл глаза, чувствуя себя на удивление бодрым. Но едва он попытался прийти в себя, как осознал неладное. Потянувшись к лицу, он нащупал на лбу влажную ткань. Это было аккуратно сложенное махровое полотенце. Оглядевшись, он заметил, что и сбитое вчера одеяло бережно расправлено, а на тумбочке у изголовья стоит пустой стакан из-под воды.

Теряясь в догадках, Тан Хуай попытался подняться. Сон длиною в двадцать часов восстановил силы, но слабость в коленях никуда не делась. Стоило ему нащупать ногами тапочки и подняться, как ноги предательски подогнулись. Тан Хуай покачнулся и с размаху ударился бедром о край тумбочки.

— Черт... — прошипел он от резкой боли.

Из коридора тут же донесся глухой испуганный стук.

Звук шел со стороны лестницы на третий этаж. Не успел Тан Хуай сообразить, что происходит,

как буквально через пару мгновений дверь его спальни резко распахнулась. На пороге застыл неожиданный визитер.

Тан Хуай вскинул голову. Несколько секунд оба потрясенно смотрели друг на друга.

Тан Хуаю показалось, будто он попал в какую-то сказку: перед ним стоял самый настоящий тритон. Мужчина опирался на мощный, лоснящийся черный хвост. Если не брать в расчет длину плавника, рост незнакомца составлял не меньше метра восьмидесяти. На его плечи была накинута длинная темная накидка, из-за чего он походил на косплеера с какого-нибудь фестиваля фантастики.

Но по-настоящему Тан Хуая поразил не рыбий хвост, а лицо незнакомца. Густые, темные волосы спадали до плеч, обрамляя невероятно красивые черты. В них сквозило что-то дикое, завораживающее — из тех редких лиц, от которых невозможно отвести взгляд. Две глубокие свежие царапины на скуле лишь подчеркивали эту опасную, хищную притягательность.

Однако левую сторону его лица уродовал сложный черный узор, напоминавший древнюю татуировку. Рисунок был безжалостно исполосован старыми шрамами от ножевых ранений. Кожа здесь превратилась в сплошное переплетение грубых рубцов, придавая облику пугающий вид.

Немая сцена длилась не больше трех секунд. Внезапно в глазах существа отразился первобытный ужас. Осознав, что его раскрыли, русал резко развернулся и, тяжело взмахнув мощным хвостом, стремительно скрылся в коридоре.

Тан Хуай растерянно потер виски. В голове все еще шумело от слабости. Но он точно знал: это не было игрой воспаленного разума. Сверху, со стороны зимнего сада, донесся отчетливый щелчок закрывшейся двери.

Значит, это и был таинственный господин Юй?

<http://bllate.org/book/20147/2151355>